

**Тело, машина и искусство:
«Я очень хотела бы радикализации понятий,
и даже своего рода архаической радикализации»**

Беседа с Элизабет фон Самсонов

Элизабет фон Самсонов /
Elisabeth von Samsonow – профессор философии, заведующая кафедрой философской и исторической антропологии искусств Академии изящных искусств, Вена, Австрия.

Сфера интересов: философия эпохи Возрождения, в частности, философия Джордано Бруно, оккультизма, неоплатонической и не-аристотелевских форм чувственности; телесность и медитальность; пассивная субъективность: сон, транс, гипноз, внушение, расщепленный субъект; искусство и объект желания; теория андрогина; генезис поп-культуры; ритуал-перформанс-хабитус.

Беседа состоялась 22 декабря 2009 г. в Вене

Как специалиста по философии Ренессанса, я хотел бы спросить Вас о различии в понимании связи души и тела, например, у Бруно, и в современных представлениях о теле. Так, дуализм души тела свойствен как раз Новому времени, следующему за Ренессансом, и возникает как результат антропоцентризма и натурфилософии Возрождения. Можно ли говорить, что телоецентризм современной культуры аннигилирует это разделение, оно более не функционально? Что Вы думаете по этому поводу?

Эпоха Возрождения изобилует предельно различными концептами связи души и тела, из которых затем выделяется радикальный дуализм, за который всегда возлагают ответ-

ственность на Декарта. Но даже Декарт не был столь радикален в этом отношении, как его интерпретаторы, если хоть однажды поразмышлять над его трудом «Passions d'âmes» («Страсти души»). Вероятно, и эпоху Возрождения увлекал вопрос – как все же управляет душой тело и тело душой, как они переплетаются и взаимно влияют друг на друга. В этом отношении мною предпочитаемыми теоретиками являются, естественно, Джордано Бруно, который как приверженец монадологии не признал бы метафизический статус дуализма, и затем Спиноза, который подрывает эту проблему в своей модальной онтологии. Как раз с этими обоими авторами постмодерн поддерживает, как я думаю, логичную и справедливую связь, при условии, что способы, которые ввела монадология, пригодны также в аспекте медиафилософии. Таким образом, если философия эпохи Возрождения в стиле Бруно исследовала то, как же выглядят гибридные переходы между человеком, ангелом и Богом, то мы сегодня интересуемся переходами между человеком, животным и машиной.

Тело, телесность и машина – эти принципы получили своё мощное развитие именно с Ренессанса. В этой связи у меня есть вопрос – современные биотехнологии, робототехника, гомогенизируя мир на уровне телесного, занимают то место, на котором была локализована прежде душа, оставляют ли они место душе? Каково место души в современном мире?

В любом случае, понятие машина используется и приобретает всё большее значение, когда оно применяется в качестве заглавия познания «мира» как машины мира. Человеческое тело имеет ту же судьбу, оно будет машиной, но – к примеру, как это можно было читать у Атаназиса Кирхера¹, – в стиле чудесного животного, особенного творения. Стиль знания, который связан с той машиной как познавательной и функциональной копией «мира», будет доминировать в современности. В этом смысле биотехнологии или робототехника ничего не меняют, а сами принадлежат к тому философскому и технологическому континууму, который получил своё начало с эпохой Возрождения. Разумеется, при этих предпосылках душа также – в монадологическом смысле – всюду. Меня вообще поражает, как современные технологии, прежде всего, коммуникативные технологии, которые изначально ассоциировались с душой, вновь усиливают герметические качества: апелляция, конспирация, связь, сообщение, послание, беспроводная коммуникация. Душа, как мне кажется, является в высшей степени современной, даже в смысле пантеизма «технологически» распределенной, распространенной, заполняющей пространство.

В этой связи еще один вопрос: как современный принцип машины отличается от принципа машины эпохи Возрождения? Могут ли наука и техника произвести действительно нового человека в трансгуманных измерениях?

В эпоху Возрождения началось распутывание антропологической фиксации: человек определялся как существо, который должен себя самого изобрести, который сам себе даёт определение. С этой позиции всё становилось зависимым от того, в какие отношения вступает человек, чтобы вместе с ними приблизиться к определению. Это, естественно, дает возможность «трансгуманного». По этим представлениям вообще, человек «трансгуманен», поскольку как раз «человек» не будет означать что-либо определенное. Понятие машины в эпоху Возрождения, поскольку она являлась технологически механи-

---

¹ Athanasius Kircher (1602–1680) – немецкий учёный, занимавшийся физикой, естественными науками, лингвистикой, древностями, теологией, математикой (здесь и далее прим. М. С.).

ческой, было иным, чем в наше время, которое вместе с Готхардом Гюнтером¹ следовало бы обозначать как «трансклассическое». Однако, понятие машины эпохи Возрождения имеет также символическую и рефлексивную функции, оно по-прежнему походит на действующее. Человек видел себя в качестве божественной машины, которая, со своей стороны, делает машины. Сегодня мы хотели бы, пожалуй, опустить прилагательное «божественный», оставшееся же ещё значимо.

В современной критике медиа очень сильны концепции разтелеснивания (отчуждения тела) посредством медиа (Поль Вирилио) или «смерть тела в образе» (Дитмар Кампер) и другие пессимистические воззрения. Что Вы думаете об этих теориях, разделяете ли Вы их?

Это очень трудный вопрос. По философским основаниям, вероятно, следует сказать, что ни тезис отчуждения, ни тезис «смерти тела» непрочен. Даже если современные медиа ввели новые поколения аппаратов и возможностей, в соответствии со сказанным выше невозможно предположить, что для человека вообще когда-нибудь может быть что-то вроде действительности, «свободной от медиа». Одна такая всё же должна была бы предполагаться, чтобы можно было подумать, что она будет уничтожена определенными медиа. Я в этом отношении, пожалуй, более оптимистична, познавательно оптимистична, хотя, конечно, я не без ностальгических чувств отношусь к определенным утраченным образам жизни. К счастью, мир изрезан бесчисленными курьёзными анахронизмами, так что гомогенизация (усреднение) через единственное медиа-средство – что было бы действительно кошмарным – едва ли когда-нибудь осуществится.

Какова судьба тела в современности? – быть моделируемым протезом (Жан Бодрийяр) или имеет место возвращение к телу согласно экологическому отношению, имеется ли возможность быть «чувственным телом»?

В любом случае, различные дискурсы тела стягиваются воедино, то есть биологический и медицинский дискурс сливается с дискурсом машины и с политическим и социальным. В этом отношении экологическое измерение всегда подразумевается, даже в качестве находящегося под угрозой. Способности тела стали темой философии именно в тот момент, в который была принята конвергенция этих первоначально скорее разделенных дискурсов тела, а именно, в конце XIX-го столетия. Философия жизни как потенциал современной философии еще не исчерпалась, это видно из того, что категория «чувствования», наконец, вновь приходит в философские семинары. Но и теоретики, такие как Донна Харуэй² признают, что само тело всегда уже представляет собой экологическую колонию, что каждый отдельный человек является воплощением «multicrowd species». С одной стороны, медиатеория, с другой стороны, биотехнология, напоминают нам о том, что мы, как экологические существа, не имеем никакой иной альтернативы существования. Единственный вопрос заключается только в том, как мы обставляем дом, по какому oiko-logos?

В Вашей последней книге «Анти-Электра. Тотемизм и шизогами»³ Вы пишете о доэдипальной (präödipale) стадии, вводя понятие «шизогамия». Не могли бы Вы подроб-

¹ Gotthard Günther (1900–1984) – немецкий философ и логик, разработчик поликонтекстуальной логики (polycontextural logics (PCL)).

² Donna J. Haraway – историк науки, биолог, теоретик киберфеминизма.

ней остановиться на этом понятии, которое, как представляется, является ключевым в Вашей концепции.

Шизогамия (Schizogamie) – это слово для обстоятельств, при которых отношения предполагают более ранние отношения (Bindung) или способность устанавливать эмоциональные связи [а не отделять]. Эта способность установления отношений, в свою очередь, имеет архаичную историю в жизни каждого человека, что так сильно интересует психоанализ. Если отношения становятся «браком» [gamos], то они, согласно этой логике, уже «расколоты». То есть, «сочетание браком» всегда двойное, сочетается кто-то и его архаичный предшественник. Отношения всегда комплексные. Меня интересует брак, так как он представляет форму кодирования отношений, которое должно предлагать обществу скорее по техническим, а не по моральным основаниям. Если общество входит в доэдипальную фазу, что, например, делает наше общество как раз медиальными средствами, поскольку они невероятно всесторонним [online-Бытие] способом устанавливают соединения ((Ver)Bindung), тогда эти архаичные фракции отношений буквально вновь выносятся на поверхность. Эти архаичные компоненты отношений легче инвестируются в аппаратных и в фоновых ситуациях, чем в реальном партнерстве. Кроме того, понятие шизогамии – это то, которое сменяет шизофрению. В долгосрочной перспективе медиальная субъективность будет выражаться больше не шизофренично, а шизогамно (schizogam). Проблема будет заключаться в управлении соединениями (Verbindungen). В «Анти-Электре» для меня было интересно проследить то, как девочка становится прототипом онтологии медиального. Эта девочка, следовательно, шизогамна потому, что это не заданное символическое отношение с матерью, которое она повторяет в своих связях. Символическое отношение с матерью может, если оно – как говорил Фрейд – происходит из древности души, реализоваться также в животных, аппаратах и мужчинах в равной степени. Шизогамия, так сказать, неизбежна. Это значит, что отношения всегда доступны для другого; медиатеоретически это исключительно применимо.

Вы ставите проблему тотема и аппарата. Ваше понимание тотема рознится с пониманием тотема Клодом Леви-Стросом?

Мое понятие «тотема» лишь функционально моделируется по концепции тотема Леви-Строса. Меня интересует в понятии тотема то, что речь идет о чем-то таком, что является не человеческим и, несмотря на это, обладающим организующей функцией человеческого общества. Следовательно, это нечто трансгуманное, но основывающее человеческое. Это нечто может быть всем, кроме человека, и тем не менее, «родственно» и настолько важно, что без него группа распалась бы.

Правильно ли я понимаю, что тотем и аппарат похожи, что аппарат выполняет функции тотема? В таком случае, какие отношения вы видите между животным-человеком-машиной? Вы различаете аппараты и машины?

Действительно, тотем и аппарат имеют высокую степень структурного сходства, точнее, они имеют те же функции, а именно, коммуникативную и в то же время социальную. Тотем и аппарат организуют групповую логику. Аппарат в моём понимании – определённый тип машин, это пост-механическая машина, задача которой состоит, во-первых, в решении проблем координации и коммуникации между людьми или членами группы и, во-вторых, координации и коммуникации между людьми и нечеловеческими

существами. В этом отношении большое значение приобретает ряд животное-человек-машина. Аппараты управляют различием, они являются неотъемлемой частью социальной мембраны. Аппараты в какой-то мере дают информацию о различии между животными и человеком, или между человеком и Богом и между человеком и Чужим. Эта функция – способ бытия технической вещи. Поэтому также существует что-то вроде «пред-технического» и в то же время пост-механического аппарата, чем как раз и является тотем.

Вы могли бы раскрыть понятие "смена материала", которое, кажется, играет определенную роль в ваших размышлениях?

«Метаболизм» (Stoffwechsels) – это понятие, которое я переняла из текстов архитектора Готтфрида Земпера¹. Земпер понимает обмен веществ таким образом, что формы, которые были первоначально образованы в текстильных материалах, повторяются в другом материале, как, например, в декоруме каменной архитектуры. Формы, следовательно, меняют материал. Я очень хотела бы радикализации понятий, и даже своего рода архаической радикализации. А именно, я бы сказала, что «обмен веществ» представляет собой основу для тех метемпсихотических (metempsychotischen) движений, которые возникают на повестке дня в эпоху виртуальности. «Метемпсихотические движения» означают, что душа может путешествовать по различным «материалам», овладевать различными телами, как будто бы они были ее аватарами. Эта способность связана с обменом веществ и, я полагаю, является существенной для художественной деятельности.

Вы – профессор философии в Венской академии изящных искусств, Вы можете «изнутри» наблюдать актуальный художественный процесс. Какие стратегии, перспективы вы могли бы отметить? Каково Ваше общее видение ситуации в современном искусстве?

Я вижу, прежде всего, что современное искусство включает в себя чрезвычайно широкий диапазон самых разных форм и стратегий. Также здесь не следует опасаться усреднения. Тем не менее, можно сказать, что определенные художественные направления играют сегодня большую роль, чем раньше: во-первых – и это особенно относится к Австрии – художественные формы, которые разрабатывают крайне регрессивную эстетику. Аморфные скульптуры из папье-маше [Франц Вест / Franz West], картины из пластилина и плюшевые игрушки в банках с джемом [группа Гелитин / Gelitin], люди в форме картофеля и жирные машины [Эрвин Вурм / Erwin Wurm]. Люди неистовствуют от удовольствия, потому что эти художники нащупали нерв доэдипального измерения общества. «Доэдипальный» – значит крайне регрессивный; мне представляется, что тенденция к сетевому обществу, бытие-в-доступности является высшей ценностью. Новые герои как раз не трагические, а детские.

По Вашему мнению, является ли современное искусство самостоятельной формой мысли или только «визуализирует» некие концепты? Имеют ли какие-либо ресурсы изящные искусства против концептуального искусства и активизма?

---

¹ Gottfried Semper (1803–1879) – немецкий архитектор периода эклектики. Работал в Дрездене, Цюрихе и Вене. Известнейшие строения Бургтеатр и Императорский форум (музей истории искусств, музей естественных наук, Нойе Бург) в Вене.

В любом случае я не вижу причин, чтобы эти направления в искусстве нужно было противопоставлять друг другу. Концептуальное искусство стало чрезвычайно важным, как и активизм, который, пожалуй, ещё более важен, учитывая, что пропорционально растущему политическому интересу к искусству качество реальной политики уменьшается. Однако ещё есть художественные произведения, которые могут очаровывать. Мы тоскуем по ним.

Я хотел бы задать ещё несколько вопросов, связанных с искусством. Точнее, относительно той ситуации в искусстве, когда тело художника становится объектом экспериментов, например, экспериментов Стеларка. В какой-то степени он наследует опыты Венских акционистов, но идёт далее в направлении киборгов Донны Харауэй. Что Вы можете сказать об этом? И каково Ваше мнение об операциях смены пола – ведь это скорее искусство, чем социальная практика и медицинская необходимость?

Определенную логику, формы гибридизации или модификации тела необходимо осмыслять вместе с этими изменениями, идущими в направлении «оформления» от гендера или пола. Сейчас в любом случае имеют место быть обширные вмешательства в тело, которое становится материалом выражающейся в нем души и тем самым становится произведением искусства и артефактом. Тенденция обрабатывать само тело [художественно] как «скульптуру» соответствует тем тенденциям, которые отдают приоритет Реальному по отношению к Символическому. В транссексуальном меня особенно интересует андрогинизация или унисекс, стало быть, движение, которое нивелирует различие полов, прежде всего, с эстетической точки зрения. Ряд фигур в шоу-бизнесе, как Мик Джаггер, Дэвид Боуи, Грейс Джонс, Майкл Джексон и Билл Каулитц уже довольно впечатляющ. Билл Каулитц даже умудряется стать законченным андрогином без хирургического вмешательства, только с макияжем. Я вижу в андрогине выражение чего-то вроде био-евангелия онтологии совершенства. Людей можно определять через их дефекты. Движение андрогинизации пробует теперь противоположное.

Делёз исследовал кино и хотел стать художником, Бодрийяр фотографировал, Вы тоже имеете художественный опыт – скульптура и перформанс. Почему такой выбор? Или, более широко, почему и как становятся художниками?

Как становятся художником? Когда намереваются решать большие проблемы. Сначала я рисовала, с 1990-го я работаю с пластическим искусством. Первоначально это обращение к скульптуре было чистой диверсией, восстанием против виртуализации. В то время как большинство все ещё делало тонкое, нематериальное искусство, я могла поставлять в студию целые деревья. Сегодня я хотела бы сказать, что моя скульптура крайне современна, а именно потому, что я работаю с биоматериалом, который сам несёт высокоинформационную нагрузку. Так что у меня не студия, а биотехнологическая лаборатория. Перформанс был необходимым следствием этого познания. Поэтому я выпустила своих «Франкенштейнов» и «Големов» на улицы, в общественные места, с тем, чтобы исследовать, сколько внимания поймают мои эстетические «биобатарей». Между тем, я считаю свое биотехническое пластическое искусство гуманной альтернативой шоку Реального, обязанного интервенцией в собственное тело.

При этом Вы пишете об исчезновении пластики...

Да, по только что названным основаниям. Тип скульптуры, которая исчезает, – священное "второе тело" репрезентативной скульптуры и отображения властителя. Символическая пластика списана. Пластическое было синонимом для Реального. В этом горизонте кажется неизбежным курс на ужас, на жестокость и травму. Напротив, более старой функцией скульптуры была операция бессмертия. Что, однако, должно предполагать как сильную концепцию тела, так и сильное понятие души. Моя критика направлена на недостаточность современных концептов.

Ваш последний проект «Я – многий» ("Ich bin die Vielen") идёт в ряду с multitude Негри/Хард и другими проектами множественности. В чём их различие? Мне представляется, Вы нацупываете множество в первую очередь на уровне онтологии, а уже потом на уровне социально-политического измерения.

Различие состоит в том, что в моей концепции «Я – многий» логически каждый отдельный «размножается». Речь идет не только о Левиафане, фраза «Я – многий» может, так или иначе, говориться от себя. Меня особенно интересует онтологическая операция слома табу, которая ставит нечто «политеистическое» на место фетишистской идентичности монотеистического качества, размноженную субстанцию. Я думаю, что именно эта операция должна быть философской предпосылкой multitude как социального образования. Кроме того, это теперь абсолютно подходит современности – сделать поистине революционный шаг. Если теперь каждый из нас выступает как Многий [которым мы были, которым мы являемся и которым мы будем], следовательно, много людей принимает что-то вроде возможности достижения чуткости сосуществования в будущем, а точнее, это высокоинтегративная концепция человека как множественного пространства. И мне слишком тесны эти недавние представления европейской философии о личности.

Беседу провёл М.А. Степанов

Основные научные публикации Элизабет фон Самсонов

1. Die Erzeugung des Sichtbaren. Die philosophische Begründung naturwissenschaftlicher Wahrheit bei Johannes Kepler. München: Fink, 1987
2. Hyperplastik. Kunst und Konzepte der Wahrnehmung in Zeiten der mental imagery (Hg. mit Éric Alliez). Wien: Turia und Kant, 1998
3. Telenoia. Kritik der virtuellen Bilder (Hg. mit Éric Alliez). Wien: Turia und Kant, 1999
4. Fenster im Papier: Die imaginäre Kollision der Architektur mit der Schrift oder die Gedächtnisrevolution der Renaissance. München: Fink, 2001
5. Sex-Politik (Hg. mit Doris Guth). Wien: Turia und Kant, 2001
6. Chroma Drama. Widerstand der Farbe (Hg. mit Éric Alliez). Wien: Turia und Kant, 2001
7. Biographien des organlosen Körpers (Hg. mit Éric Alliez). Wien: Turia und Kant, 2003
8. Flusser Lectures. Was ist anorganischer Sex wirklich? Theorie und kurze Geschichte der hypnogenen Subjekte und Objekte. Köln: Buchhandlung Walther König, 2005
9. Anti-Elektra. Totemismus und Schizogamie. Zürich/Berlin: diaphanes, 2007
10. Unzipping Philosophy. Wissen|Kunst (Hg.). Wien: Passagen Verlag, 2009.